

ный Мурманъ еще видятъ у береговъ треску со второй половины лѣта.

Наши морскія суда: шняки (60%), ела (30%) и карбасы не могутъ соперничать съ прочими палубными судами (10%). Шняки строимъ мы сами, на пудовъ 300 груза, за 100 р., на 18 лѣтъ службы, для выѣздовъ за 25—60 в. въ море. Ела—норвежскій типъ на 60—450 пуд., съ лучшими мореходными качествами, стоитъ 30, 50, 100 р. Она безъ палубы. Карбасы годятся у берега. На смѣну этимъ старикамъ идутъ новыя палубныя и паровыя суда, въ которыхъ пока поморовъ перещеголяли норвежцы. Но вмѣстѣ съ проведеніемъ къ Мурману рельсъ, закипитъ у насъ, надо полагать, и конкуренція съ иностранцами по поводу примѣненія палубнаго и парового флотовъ и болѣе прочнаго обоснованія на Шпицбергенскомъ архипелагѣ. Всего иностранцы (Англія, Германія, Голландія и Бельгія) вылавливали тамъ, въ нашихъ водахъ до полумилліона пудовъ (въ 1908 году—473.730 п.). Поднимется и лучшее приготовленіе нашей рыбы (съ вынутіемъ хребта, съ лучшей солью и проч.). Недавно на эту сторону дѣла обратило серьезное вниманіе наше военное вѣдомство. Съ 1905 года, со времени увеличеніе дачи солдату мяса до $\frac{3}{4}$ фунтовъ и приварочныхъ денегъ до $2\frac{1}{2}$ коп., съ признаніемъ комиссіей академика Данилевскаго желательнымъ ввести треску и сайду въ питаніе арміи—на нашъ засолъ этихъ рыбъ обращено самое серьезное вниманіе. Вотъ таблица питательности мурманскихъ рыбъ, сравнительно съ мясомъ:

Мясо въ сухомъ консервѣ	74,64	проц. бѣлковъ.
(а въ свѣжемъ видѣ)	19,42	" "
Треска сухая	76,38	" "
(а въ свѣжемъ видѣ)	15,14	" "
Соленая треска	24,25	" "
(а въ свѣжемъ видѣ)	17,94	" "
Соленая сайда	19,42	" "
" палтусъ	17,92	" "

Мы уже не говоримъ про болѣе дорогіе сорта рыбы (семгу, навагу), недоступныя по цѣнѣ арміи, добываемыя въ массахъ же на нашемъ сѣверѣ... Мурманская дорога открываетъ арміи широкія питательныя перспективы. Она же увеличиваетъ и средства быстрой и валовой полочки нами изъ-за границы военныхъ заказовъ. При широкой же колонизаціи ея края мы воздвигнемъ не только барьеръ, но и контръ-вліяніе онорвеженію и офиненію нашего запада тамъ. При военной же непогодѣ со стороны Скандинавіи, эта дорога тоже сыграетъ свою роль, вдобавокъ она хорошо укрыта въ лѣсисто-болотистыхъ своихъ дебряхъ.

УВЕРТЮРА ИЛИ ФИНАЛЬ?

(Романъ изъ временъ Японской войны—последнее произведеніе покойнаго писателя Г. Г. Тютчева).

I.

Яркіе лучи осенняго солнца буйно врываются широкими снопами въ высокія окна N Харбинскаго военнаго госпиталя и заливаютъ свѣтомъ небольшую комнату съ блестящимъ, заново выкрашеннымъ охрою поломъ и яркобѣлыми обнаженными стѣнами.

У одной изъ стѣнъ комнаты, отгороженной отъ окна невысокими ширмами, бѣлѣютъ, параллельно одна другой, двѣ больничныя койки съ деревянными шкафиками у изголовья, на которыхъ, выстроясь въ рядъ, какъ солдаты на смотру, громоздятся разнокалиберныя склянки съ лѣкарствами, эмалированная кружка, графинъ съ какимъ то мутнымъ питьемъ и подсвѣчникъ со свѣчей подъ бумажнымъ зеленымъ абажуромъ.

Кругомъ царитъ холодная, мертвящая, педантичная чистота, присущая большинству военныхъ госпиталей. Все вычищено, отла-

кировано, отполировано. Блестить полъ, блестятъ плевательницы по угламъ, сверкаютъ окна, выкрашенные бѣлой масляной краской стѣны и двери, мѣдныя дверныя ручки блестятъ какъ новыя, и въ этомъ бездушномъ блескѣ окружающихъ предметовъ, рѣжущимъ глазъ диссонансомъ хмуро сѣрбуютъ мрачныя фигуры больныхъ, въ затасканныхъ халатахъ, стоптанныхъ туфляхъ, съ отросшими на головахъ волосами и лицами, давно незнавшими бритвы.

Ихъ двое. Одинъ пожилой, лѣтъ за сорокъ, худой и тощій, съ коротко остриженной, посѣрѣвшей отъ сѣдины, головою, съ заостреннымъ, изрытымъ морщинами лицомъ, на которомъ уныло висятъ изъ подъ крупнаго мясистаго носа, сивые хохлацкіе усы. Большіе каріе глаза, съ желтоватыми бѣлками, глубоко ушли въ черепныя впадины и съ угрюмой тоской точно во что то вглядываются изъ подъ нависшихъ густыхъ бровей.

Другой, на видъ почти еще юноша, не старше 22—23 лѣтъ. Несмотря на нѣкоторую одутловатость и желтизну лица отъ болѣзни и больничнаго воздуха, несмотря на старый, верблюжьяго цвѣта халатъ, безобразно висѣвшій на его исхудалыхъ плечахъ, онъ могъ по справедливости назваться красавцемъ. Высокаго роста, стройный, темный шатень, съ красиво очерченнымъ оваломъ лица, съ немного короткимъ подбородкомъ, придававшимъ ему мужественное, слегка упрямое выраженіе, усиливавшееся отъ тонкаго, съ легкой горбинкой носа и плотно сжатыхъ красиво очерченныхъ губъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка незауряднаго, съ твердымъ и сильнымъ характеромъ. Особенную красоту его лицу придавали большіе сѣрые глаза, казавшіеся отъ густыхъ рѣсницъ временами совсѣмъ темными. Красиво очерченныя брови и небольшіе усики удачно гармонировали съ остальными чертами лица.

Оба сидѣли на одной койкѣ и молча задумчиво смотрѣли въ окно. Лицо пожилого было мрачно озлобленно, у молодого какъ бы застыла презрительно ядовитая и въ то же время безпомощно жалкая улыбка. За окномъ виднѣлся пустырь, за нимъ каменная, сверкавшая на солнцѣ бѣлыми стѣнами, часовенка, обнесенная новой, ярко-зеленой, деревянной оградой. За оградой темнѣли стройными рядами могильныя кресты; въ ихъ тѣсномъ кругу чернымъ пятномъ вырисовывалась бархатная риза священника, съ серебряными крестами на ней, легкой струйкой вился дымокъ изъ поблескивающей въ лучахъ солнца кадиланицы и чуть слышно, едва-едва улавливаемый напряженнымъ ухомъ, звенѣлъ унылый

напѣвъ нѣсколькихъ солдатъ, сбившихся кучкой надъ свѣже-вырытой могилой.

— Вотъ скоро и насъ съ вами такъ же поволокутъ къ этой часовнѣ—криво усмѣхнулся молодой—та же солдатва прогнущитъ надъ нами «вѣчную память», зароютъ и конецъ. Поставятъ два креста—на одномъ напишутъ: Тарасъ Осиповичъ Бурунь, подполковникъ 175-го пѣхотнаго Задунайскаго полка, а на другомъ: Викентій Фадѣевичъ Щербо-Долянскій, поручикъ 118-го пѣхотнаго Бурулаускаго полка. Потомъ, когда наши войска уйдутъ изъ этой треанафемой Маньчжуріи, кресты наши пойдутъ китайцамъ на топливо, а на нашихъ могилахъ будутъ свершать свой променажъ китайскія свиньи.

Тарасъ Осиповичъ медленно повернулъ голову на длинной, жилистой, побурѣвшей шеѣ, пристально посмотрѣлъ въ лицо собесѣднику, точно въ душу ему заглянулъ, разжалъ слипшіяся губы и глухимъ, словно изъ бочки выходящимъ голосомъ, произнесъ:

— «А вамъ, Викентій Фадѣевичъ, видно здорово умирать не охота?»

— Какъ вамъ сказать?—и да и нѣтъ—задумчиво произнесъ поручикъ. Видите ли, когда смотришь на это солнце, на голубое небо, вспоминаешь себя, еще такъ недавно совершенно здоровымъ, бодрымъ, сильнымъ, и подумаешь, что все это уже прошло, прошло безвозвратно и скоро наступитъ день, страшный день, когда я провалюсь въ темную, зіяющую, невѣдомую бездну,—дѣлается жутко, сердце начинаетъ ныть нестерпимо больно и невольно встаетъ вопросъ: почему? за что? Почему я долженъ умирать, когда тысячи, миллионы живутъ? Въ такія минуты готовъ не знаю на что пойти, чтобы только отдалить отъ себя эту страшную минуту... а потомъ успокоишься немного, возьмешь себя въ руки, начнешь припоминать и рисовать въ своей памяти—нашъ убогій городишко, то тонущій въ невылазной грязи, то засыпаемый пылью, то заваливаемый сугробами снѣга, наши обшмыганныя казармы, закоптѣлыя, зеленыя отъ сырости ротныя помѣщенія, нашу дикую словесность съ потѣющими и воняющими отъ усилія мысли солдатами, вѣчное повтореніе одного и того же: «что есть часовой, что есть знамя, изъ сколькихъ частей состоитъ винтовка и прочая галиматья, бесконечно нудная, никому рѣшительно ненужная, нелѣпыя отвѣты, которые даже не смѣшать, а тоскливо шемять сердце и умъ, тоскливое отбываніе карауловъ и еще болѣе тоскли-

вые наши танцевальные вечера, съ неизбежнымъ ухаживаніемъ за дочерью командира полка и обязательными расшаркиваніями передъ матерью-командиршей... И такъ всю жизнь, и что дальше, то хуже. Хуже потому, что молодость пройдетъ, опустишься, обрюзгнешь, поглупѣешь, отrostишь животъ, носъ станетъ красный отъ безчисленныхъ выпитыхъ рюмокъ водки, дальше-больше, пойдутъ болѣзни, всякія тамъ подагры, геморои, ревматизмы и въ концѣ концовъ опять та же могила, деревянный крестъ и по ночамъ собачьи свадьбы на могилахъ... Подумаешь обо всемъ этомъ и не только не страшно умирать, готовъ самъ бѣжать за смертью, гдѣ ты роденькая, чего замѣшкалась, иди скорѣе, бери, волоки меня ко всѣмъ чертямъ...

Онъ вдругъ задохнулся, закашлялся и замолчалъ.

— Ну да, — медленно протянулъ Бурунъ, — вы, пожалуй, правы, жизнь, особенно наша армейская, преподлая штука... только вы смотрите на нее по холостецки... одинъ вы, за вами некому плакать, а главное голодать послѣ васъ некому, а вотъ, какъ у меня...

Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ умолкъ и потупился...

— А вольно нашему брату жениться, съ затаенной злобностью, горячо воскликнулъ поручикъ. Повыдумали люди себѣ какіе то миражи, — семейное счастье, семейный долгъ, радость дѣторожденія и прочую ерунду, а въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ. Черезъ три дня послѣ свадьбы начинаются ссоры, ругань и такъ всю жизнь... Дѣтей клянуть, женъ клянуть, себя клянуть... Мало я наслушался въ полку отъ женатыхъ проклятій семейной жизни... да и самъ видѣлъ, — со стороны смотрѣть тошно. Жена всегда въ какомъ то засаленномъ капотѣ, расхристанная, болѣзненная, къ тридцати годамъ старуха, отъ постоянной нужды сварливая, алчная до денегъ, за пяточекъ готова и себя и всю вселенную удавить, дѣти грязныя, сопливыя, въ прыщахъ, болячкахъ, въ домѣ вонь, какъ въ звѣринцѣ, деньщикъ — смотрѣть страшно, точно его раза три сквозь просаленную дымовую трубу протасили, шумъ, между ребятами, пискъ, визгъ, ревъ, драки, между родителями ругань, попреки... супругъ дома сидитъ какъ огородное пугало, чуть не въ лохмотьяхъ... покорно благодарю, да съ такой жизни, за годя до смерти, живой въ могилу запросишься... будь я женатъ, я бы и японской пули ждать не сталъ — самъ себя укокошилъ бы.

Бурунъ усмѣхнулся. Страшна была улыбка обглоданнаго до костей черепа. Такъ улыбаются мертвецы, вышедшіе изъ могилъ.

— Удивительна мнѣ въ васъ такая разочарованность въ жизни, и когда вы успѣли эту самую подлую жизнь узнать такъ хорошо? Въ ваши года о семейной жизни, какъ о райскомъ блаженствѣ мечтаютъ, ангеловъ между нашими провинціальными барышнями откапываютъ, а вы вонъ какъ это самое райское блаженство расписываете.

— Я не такъ уже молодъ, какъ вы, можете быть, думаете, я лицомъ молодежь, а мнѣ уже 25 лѣтъ, это разъ, а второе, скажу вамъ и такъ: иной смотритъ всю жизнь, какъ баранъ въ пустое мѣсто и ничего не видитъ, а другой съ поль-взгляда, на лету ловить, я, какъ помню себя, къ жизни приглядывался, не мудрено, что скоро раскусилъ ее...

— Это то положимъ вѣрно, а все-таки въ ваши года, какъ то странно, неестественна такая разочарованность, если только это у васъ свое, искреннее, прочувственное, а не съ чужого голоса напѣтое, какъ бываетъ иногда у молодежи.

— Чего же мнѣ рисоваться теперь, передъ смертью, да еще съ глазу на глазъ... кабы еще аудиторія была, — въ голосѣ его чуть дрогнула грустно-насмѣшливая нотка... Кончили, расходятся, — добавилъ онъ неожиданно, кивнувъ головой на окно. Отъ часовни торопливыми шагами, черной тѣнью промелькнула, удалявшаяся съ кладбища фигура священника, за нимъ солдатъ пронесъ завязанное въ сѣромъ узлѣ облаченіе, группа солдатъ пѣвчихъ, наскоро забросавъ могилу желтокрасными глыбами глины, торопясь, чуть не бѣгомъ, спѣшила въ казарму... Конецъ, конецъ жизни и всему конецъ...

Бурунъ всталъ. Шаркающей походкой, тяжело доплелся до своей кровати, расправилъ трясущимися отъ слабости руками одѣяло, молча улегся, поджавъ длинныя ноги, и затихъ съ открытыми, устремленными въ уголъ, глазами.

Щербо-Долянскій продолжалъ сидѣть въ той же позѣ, смотря въ окно равнодушно-задумчивымъ взглядомъ.

Вдругъ онъ весь словно содрогнулся, все его худощавое тѣло скорчилось, блѣдное лицо поблѣло еще болѣе, онъ судорожно ухватился пальцами за грудь, изъ которой со стономъ и хрипомъ вырвался протяжный, мучительный кашель. Долго, очень долго кашлялъ онъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ, по временамъ на нѣсколько мгновеній затихая, обливаясь холоднымъ потомъ. Наконецъ, онъ глубоко вздохнулъ, отпилъ нѣсколько глотковъ изъ стоявшей на шкафикѣ большой чашки и обезсиленный, измученный, съ болѣз-

ненно ноющей грудью, упалъ на свою постель лицомъ кверху, съ трудомъ переводя тяжелое дыханіе.

Мертвое молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

Оба лежали и думали, какъ бы прислушиваясь къ дуновенію летающей около нихъ смерти.

За послѣдніе нѣсколько дней Бурунъ успѣлъ уже свыкнуться съ мыслью о скорой смерти, она уже не пугала его. Онъ зналъ, что она близка, а съ ней и конецъ нечеловѣческимъ страданіямъ, съ каждымъ днемъ все болѣе нестерпимыми... Онъ давно уже почти пересталъ ѣсть, такъ какъ каждый кусокъ проглоченной пищи причинялъ ему ужасающія боли, онъ умиралъ голодной смертью, медленно, постепенно ослабѣвая и не зная, когда же, наконецъ, кончатся эти мученія.

Лежа безъ сна, съ открытыми глазами, въ долгія ночи, онъ вспоминалъ тотъ роковой для него день, когда онъ велъ свой баталіонъ, подъ градомъ разрывающихся снарядовъ на крутую, заросшую густымъ кустарникомъ сопку, гдѣ засѣли японцы... Онъ помнитъ, точно сквозь сонъ, какъ горячо молился онъ про себя, чтобы Богъ вынесъ его цѣлымъ и невредимымъ изъ этого ада... Помнитъ, какъ близко отъ него съ адскимъ грохотомъ разорвался снарядъ, точно упругимъ мячикомъ ударило его въ животъ, больно, больно... голова закружилась, во рту стало вдругъ горько и онъ упалъ... Очнулся онъ на перевязочномъ пунктѣ и увидѣлъ склоненную надъ собою сѣдую, лысую голову ихъ полкового врача.

— Докторъ, что со мною? Что нибудь опасное?

— Пустяки, сущіе пустяки! беззаботно отвѣтилъ докторъ, — легкая контузія въ области живота, даже слѣдовъ никакихъ нѣтъ. Полежите денька два и будете совершенно здоровы.

Какъ онъ обрадовался тогда этимъ словамъ, и вѣрилъ, и не вѣрилъ имъ... Прошелъ день, другой, легкая боль, ощущавшаяся въ первое время, исчезла совершенно, онъ почувствовалъ себя здоровымъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, какъ ни въ чемъ не бывало и черезъ три дня бодрый и жизнерадостный вернулся въ строй. Смерть заглянула было въ глаза и отошла.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, подъ Мукденомъ, ему опять пришлось вести баталіонъ въ атаку... Наскочившій японецъ полоснулъ его кинжаломъ-штыкомъ въ руку, но не сильно, Бурунъ только слѣзидилъ въ госпиталь на перевязку и остался въ строю. Ему дали орденъ Владиміра и представили къ золотому оружію. Онъ былъ очень доволенъ и своей раной и своей наградой... Про-

шло еще немного времени и вдругъ началось «это». Какія-то странныя, толкающія боли въ желудкѣ. Сначала ему это показалось даже смѣшнымъ. «Дивись — острилъ онъ въ кругу товарищей — никакъ я рожать собрался, въ животѣ словно что живое шевелится». Товарищи смѣялись и совѣтовали «выпить». Тарасъ Осиповичъ отъ выпивки не отказывался, но чѣмъ больше онъ пилъ, чтобы утишить подымавшіяся иногда боли въ желудкѣ, тѣмъ онѣ становились упорнѣе. Докторъ совѣтовалъ бросить пить и лечь въ госпиталь. На этотъ разъ Тарасъ Осиповичъ послушался доктора, бросилъ пить и перешелъ на діету, но боли все усиливались и вмѣстѣ съ ними началось странное явленіе, самъ Бурунъ худѣлъ не по днямъ, а по часамъ, а по мѣрѣ того, какъ онъ худѣлъ, животъ его распухалъ все больше и больше, принимая чудовищно-нелѣпные размѣры.

— Плохо, — никакъ смерть подходитъ, — подумалъ Бурунъ и сталъ хлопотать о переводѣ въ Харбинскій госпиталь, гдѣ онъ надѣялся лучше поймутъ его болѣзнь. Появили ли въ Харбинскомъ госпиталѣ его болѣзнь или нѣтъ, для Буруна осталось вѣчной тайной, но самъ онъ очень скоро понялъ, что болѣзнь его смертельна, и что конецъ близокъ. Понявъ это, онъ нѣсколько дней метался въ смертельномъ ужасѣ, проклиная японцевъ, свою судьбу и докторовъ, но нѣсколько разъ въ день переходя отъ надежды къ отчаянію, то горячо молясь, то богохульствуя и вдругъ затихъ, покорился, замеръ и терпѣливо, угрюмо сталъ ожидать конца.

Дверь осторожно отворилась и въ комнату легкой походкой вошла молодая, миловидная сестра милосердія. Съ серьезнымъ, озабоченнымъ личикомъ подошла она къ бившемуся въ припадкѣ неистоваго кашля Щербо-Долянскому, торопливо налила въ стаканъ изъ двухъ пузырьковъ какую-то смѣсь микстуръ и поднесла къ губамъ больного.

— Пейте, голубчикъ, — ласково-повелительнымъ тономъ произнесла она, ловко поддерживая на согнутомъ локтѣ голову поручика, — старайтесь глотать короткими, отдѣльными глотками, это васъ успокоитъ.

Съ угрюмо нахмуренными бровями, Щербо-Долянскій отпилъ нѣсколько глотковъ. — «Фу, какая мерзость, — произнесъ онъ капризно, рѣзко отдергивая голову, — неужели нельзя прибавить чего-нибудь, чтобы не было такъ отвратительно.

— Что дѣлать, ласково засмѣялась сестрица, лѣкарства не лиеры, зато получите облегченіе.

— Изъ кулька въ рогожу—проворчалъ Щербо-Долянскій и сморщившись, закрывъ глаза, однимъ глоткомъ допилъ остатокъ лѣкарства.

— Ну, теперь ложитесь на спину и лежите не шевелясь, по крайней мѣрѣ, полчаса; если почувствуете приступъ кашля, употребите всѣ старанья задержать въ себѣ кашель...

— Репетиція загробнаго лежанія—усмѣхнулся Щербо-Долянскій, вытягиваясь на спинѣ и складывая руки, какъ у покойника, — въ достаточной мѣрѣ увеселительная поза.

Сестрица сдѣлала ему шутливо-сердитую гримаску и закрыла кончикомъ пальцевъ ротъ.

— Молчите вы, несносный, капризный «бэбэ», вамъ надо больше молчать, а вы все болтаете. Она сѣла на табуретъ въ ногахъ Щербо-Долянского и, обернувшись къ Буруну, участливо спросила: — «Ну, а вы какъ, Тарасъ Осиповичъ, себя чувствуете?»

— Великолѣпно, какъ на свадьбѣ, — съ едва уловимой, ласково-насмѣшливой ироніей отвѣтилъ Бурунь.

— Вы все шутите, — недоумчиво сказала сестра, а я, не шутя, говорю вамъ, вы уже не такъ безнадежно больны, какъ думаете... не надо только отчаяваться и падать духомъ. Сколько у меня народу за годъ перебивало... были и такіе, что я сама думала—до утра не доживутъ, а они теперь давнымъ-давно уже выздоровѣли и забыли, какъ и болѣли... Вотъ былъ у меня одинъ казачій офицеръ, раненый навзлетъ пулей въ голову, такъ, когда онъ поправился, оказалось, онъ все забылъ, даже читать, писать... вообразите себѣ... возьметъ книгу, смотритъ и ни одного слова прочесть не можетъ, пришлось мнѣ его снова азбукѣ учить, писать тоже забылъ... впрочемъ, надо правду сказать, онъ скоро все припомнилъ и черезъ мѣсяцъ уже читалъ и писалъ какъ и до болѣзни... Ходить тоже сначала не могъ, приходилось, какъ маленькаго ребенка, подъ руки водить, даже названіе предметовъ многихъ забылъ, другой разъ такое слово скажетъ, что офицеры кругомъ хочутъ, а онъ обижается...

— Да, по разному нашего брата калѣчатъ, — задумчиво произнесъ Бурунь, — и самъ не поймешь почему и отчего... вотъ, хотя бы я. Полгода, больше прошло, какъ контузило меня, казалось бы чему тамъ случиться, а я точно ежа родить собираюсь... колетъ внутри, давитъ, животь растеть, какъ бочка сталъ, и понять не могу, да и доктора навѣрно не понимаютъ.

— Я слышала недавно, нашъ ординаторъ спорилъ о васъ со старшимъ врачомъ; ординаторъ говоритъ, что вамъ операцію надо сдѣлать и вы выздоровѣете, а старшій врачъ увѣряетъ, будто вы операціи не выдержите, слишкомъ слабы...

— Нѣтъ ужъ, рѣзать себя я нашимъ коноваламъ не позволю, съ внезапно-пробудившейся злобой, рѣзко перебилъ сестрицу Бурунь, — умирать, такъ умирать своею смертью, а не подъ ножомъ... раньше лѣчить не умѣли, а теперь рѣзать хотять... не позволю...

— Да они и не собираются рѣзать, успокойтесь, пожалуйста, — встревожилась сестрица, — такъ разговоръ принципиальный шелъ между докторами...

— Контузія да ушибы хуже всего—вмѣшался въ разговоръ Щербо-Долянскій, — сначала какъ будто и ничего, а потомъ все хуже и хуже. Когда мнѣ подъ Ляояномъ грудь насквозь прострѣлили, я черезъ двѣ недѣли въ строй вернулся, а потомъ подъ Мукденомъ, при отбитіи атаки японской, поскользнулся какъ то, да и брякнулся внизъ, грудью о камни и сразу точно что оторвалось внутри, боль адская, а тамъ кашлять сталъ, кровь показалась, дальше—больше...

— Вамъ нельзя говорить послѣ такого сильнаго припадка, — нагнулась «сестрица» на Щербо-Долянского, — вредно... лежите молча.

— Эхъ, Зинаида Владиміровна, досадливо отмахнулся отъ нея Щербо-Долянскій, что тамъ вредно, все равно умираю, а намолчаться и въ могилѣ успѣю.

Зинаида Владиміровна укоризненно покачала головой и, чтобы помѣшать больнымъ говорить, принялась сама торопливо и безъ умолку болтать... Ея звонкій голосокъ, какъ пѣніе жаворонка на могильной плитѣ, разливался въ мрачной и холодной больничной палатѣ.

Бурунь лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо, прислушивался къ звукамъ молодого голоса и грустно и тоскливо было у него на душѣ, вспоминались молодые годы и дни знакомства съ его теперешней женой. Она была тогда такая же молоденькая, миловидная, у нея были такіе же бѣлокурые волосы и такой же веселый, звонкій, беззаботный голосъ... Куда все это дѣлось...

Щербо-Долянскій, лежа на спинѣ, тоже вслушивался въ болтовню «сестрицы», но она раздражала его.

— Чему радуется, досадливо думалъ онъ, — ждетъ своего офицера... ну и что же дальше?—не убьютъ его—поженятся... На-

плодить она ему ворохъ ребячь, опустится, обрюзгнетъ, въ офицерскомъ собраніи будетъ въ винтъ и въ лото играть, съ тайнымъ расчетомъ выиграть... съ деньщикомъ изъ за огарковъ и спичекъ ругаться будетъ.

Онъ нарочно закрылъ глаза и притворился будто засыпаетъ. Зинаида Владиміровна оборвала на полусловѣ свою оживленную болтовню, съ минуту молча и тихо посидѣла на мѣстѣ, осторожно встала и, ласково кивнувъ головой провожавшему ее глазами Буруну, легкой, неслышной походкой вышла изъ комнаты.

Сѣрое туманное утро. Набухшія, матово-свинцовыя облака заволокли небо и угрожающе нависли надъ крышами домовъ. Холодный, пронизывающій вѣтеръ неистовствуетъ на опустѣлыхъ безлюдныхъ улицахъ Харбина, гоня передъ собой густыя тучи мелкой, бѣдой пыли, злобно бросая ее въ окна и въ лицо рѣдкихъ пѣшеходовъ. На перекресткахъ улицъ пыль, закрученная вихремъ, образуетъ высокіе, касающіеся облаковъ столбы, которые, какъ кошмарные призраки, мчатся по площадямъ, сталкиваются между собой и разсыпаются, чтобы въ нѣсколькихъ шагахъ снова закрутиться и высоко взвиться къ сумрачному небу.

Точно по уговору Щербо-Долянскій и Бурунъ одновременно открыли глаза и первымъ дѣломъ обмѣнялись взглядами и было въ этихъ взглядахъ что то особенное, сторожкое, затаенное. Здоровые люди между собою такъ не переглядываются.

— Еще живъ? Не умираешь? — какъ бы спрашивали другъ друга эти взгляды.

— Съ добрымъ утромъ.

— Здравствуйте, какъ спали?

— Плохо. Всю ночь какая то чертовщина снилась и грудь заложило, задыхался.

— У меня мой ежъ въ животѣ всю ночь вертѣлся, спать не дасть, скоро, кажется, и терпѣть никакихъ силъ не станетъ.

— А погода какая, ужасъ! — оба взглянули въ окно и, съ минуту молча, наблюдали несущіеся мимо ураганы песка.

— Проклятая погода...

Оба примолкли. На душѣ у обоихъ было особенно скверно. Хотѣлось плакать, жаловаться, искать сочувствія, сожалѣющей ласки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ душила безпредметная злоба, хотѣлось бранить, проклинать, угрожать... кому? за что? — они не могли дать себѣ отчета, но чрезъ то злоба ихъ была еще мучительнѣй...

Холодный песокъ, какъ въ мятель снѣгъ, яростно осыпалъ стекла.

Гдѣ то гулко забили часы.

Восемь.

Щербо-Долянскій нажалъ кнопку звонка.

Черезъ минуту вошелъ санитарный служитель и на желѣзномъ, облупившемся подносіи принесъ два стакана буроватаго чая, блюдечко съ сахаромъ и нѣсколько сухариковъ.

— Чортъ знаетъ, какую бурду вмѣсто чаю стали давать, — точно обрадовался, что есть причина излить душившую его досаду, закипятился Щербо-Долянскій, — надо старшему врачу пожаловаться.

— А не лучше ли Николаю Чудотворцу, — польза, пожалуй, будетъ та же, — усмѣхнулся Бурунъ, — ну, какъ то мой ежъ сегодня, позволить ли мнѣ хоть стаканчикъ выпить?

Онъ осторожно взялъ стаканъ въ руки и припалъ къ его краю пересохшими губами, но не успѣлъ сдѣлать и двухъ-трехъ глотковъ, какъ все лицо его исказилось отъ боли. Онъ быстро отставилъ стаканъ и легъ.

— А бѣсово пузо, якъ его крючить — сквозь стиснутые зубы, простоналъ Бурунъ — моченьки нѣтъ.

Нѣсколько минутъ пролежалъ онъ, зарывшись головой въ подушку, съ выступившими на лбу холодными каплями пота и судорожно подергивающимися губами. Мало-по-малу боли утихли. Бурунъ взялся снова за стаканъ, сдѣлавъ нѣсколько осторожныхъ глотковъ, онъ прислушался, боли не повторились. Онъ допилъ стаканъ и, немного подождавъ, принялся за другой, размачивая въ чаѣ сухари и бережно ихъ проглатывая. Выпивъ два стакана и утоливъ немного мучавшей его голодь, Бурунъ растянулся на койкѣ и съ философской невозмутимостью замѣтилъ:

— Должно мой ежъ заснулъ здорово, я якъ его горячимъ чаемъ ошпарилъ, онъ спросонья и заметался, съ того самаго и боли у меня начались... а здорово сверлило. Впору караулъ кричать.

Когда больные напились чаю и служитель унесъ подносіе со стаканами и остатками сухарей, дверь стремительно отворилась и въ комнату быстрыми шагами вошла Зинаида Владиміровна. Хорошенькое личико ея было оживлено и слегка покраснѣлось, глаза ярко и радостно блестяли, отъ быстрой ходьбы прядка бѣлокурыхъ волосъ выбилась изъ подъ косынки и упрямо лѣзла на глаза.

— Господа! — прерывающимся отъ волненія голосомъ восклик-

нула она, — поздравляю васъ, объявлено перемиріе, а черезъ нѣсколько дней будетъ заключенъ миръ... Ахъ, какъ я рада! а вы что же, господа, молчите? — удивилась она, — неужели не рады?... Подумайте, — конецъ войнѣ, убійствамъ, страданіямъ!... Или вамъ все равно?

— Серденько мое, Зинаида Владиміровна, — заговорилъ первый Бурунь, — не извольте хмуриться, а разсудите по справедливости, какая намъ, сиромашамъ, причина радоваться. Развѣ вотъ за васъ только порадоваться, что съ окончаніемъ войны, кончатся ваши вѣчныя тревоги о вашемъ женихѣ, пріѣдетъ онъ къ вамъ, Богъ дастъ, цѣль и невредимъ, а тамъ, смотришь, мѣсяца черезъ два-три и свадьбу сыграете... за васъ порадоваться мы можемъ, ну, а лично то намъ съ Викентіемъ Фадѣвичемъ какая корысть, миръ ли, перемиріе, война ли, не все ли намъ равно, дальше этой комнаты все равно своими ногами никогда не пойдѣмъ.

Бурунь говорилъ спокойно, но въ этомъ спокойствіи слышалась такая безнадежность и покорность судьбѣ, что у мягкосердечной Зинаиды Владиміровны глаза наполнились слезами. Она присѣла на край его кровати и, поймавъ холодную, тощую руку Тараса Осиповича, безотчетно прижала ее къ своей груди.

— Дорогой Тарасъ Осиповичъ, не говорите такъ, не отчаивайтесь, не считайте себя безнадежнымъ, увѣряю васъ, не дальше, какъ вчера, послѣ визитаціи, старшій врачъ говорилъ намъ въ операционной про васъ, что ваша болѣзнь за послѣднее время начинаетъ уступать леченію и что у него послѣ послѣдняго осмотра явилась сильная надежда на ваше выздоровленіе.

— Брешетъ вашъ докторъ, если такъ говоритъ, или вы, милая барышня, по добротѣ душевной что нибудь присочинили... нѣтъ, я свою болѣзнь уже постигъ въ совершенствѣ... впрочемъ, что о насъ толковать, не интересно. Вы лучше скажите мнѣ, писалъ вамъ вашъ женихъ, когда пріѣдетъ?

— Да онъ уже пріѣхалъ, — радостно вспыхнула Зинаида Владиміровна. — Сегодня, ночью, съ поѣздомъ, и такъ неожиданно!... Впрочемъ до утра онъ на вокзалѣ просидѣлъ, говоритъ насилу, насилу 7 часовъ дождался и прямо сюда, въ госпиталь... Я только успѣла одѣться, а онъ и заявился... Сейчасъ его нѣтъ, къ генералу Назорову поѣхалъ являться, скоро должно вернется... Я хочу его къ вамъ привести, познакомить... вѣдь можно, вы позволяете, я ему уже успѣла про васъ обоихъ разсказать... много, много... какіе вы оба милые, добрые, какъ терпѣливо переносите ваши бо-

лѣзни... вы, вѣдь, мои любимцы, изъ всѣхъ моихъ больныхъ, я къ вамъ лучше всѣхъ отношусь, право...

— Премного вамъ благодарны на добромъ словѣ, мы ваше расположеніе особливо цѣнимъ, — чуть чуть шевельнувъ скрытой улыбкой кончикъ уса, — промолвилъ Бурунь, — а вашего «будущее несчастье» приведите, посмотримъ каковъ онъ такой молодецъ.

— А почему «будущее несчастье»? — заинтересовалась Зинаида Владиміровна.

— А это уже такъ водится. Въ каждомъ супружествѣ кто-нибудь изъ супруговъ составляетъ несчастье другого. Такъ отъ Бога положено, если не вашъ женихъ «ваше будущее несчастье», то вы его «будущее несчастье», таковъ непреложный законъ природы и съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Вы все говорите такія ужасныя вещи, — надула губки Зинаида Владиміровна, — по вашему значить нѣтъ и не можетъ быть счастливыхъ браковъ?

— А вы объ этомъ лучше у Викентія Фадѣвича спросите, онъ лучше моего разъяснитъ вамъ насчетъ семейнаго счастья; недавно мы съ нимъ какъ то на эту тему разговорились, такъ онъ мнѣ такія перспективы нарисовалъ, ажъ жарко стало... Вы не смотрите, что поручикъ молодецъ, у него насчетъ брака понятія твердыя.

Зинаида Владиміровна перевела нѣсколько недоумѣвающей взглядъ на Щербо-Долянскаго, но такъ какъ тотъ молчалъ и только хмурилъ свои красивыя, точно кисточкой нарисованныя брови, она съ досадой накинута на Буруна.

— Вы все смѣетесь и шутите, васъ не поймешь, что вы хотите сказать... ну, да ладно, мнѣ сейчасъ некогда, я еще не обходила своихъ больныхъ, потомъ забѣгу, досвиданья!

И она радостная и счастливая быстро выпорхнула изъ комнаты.

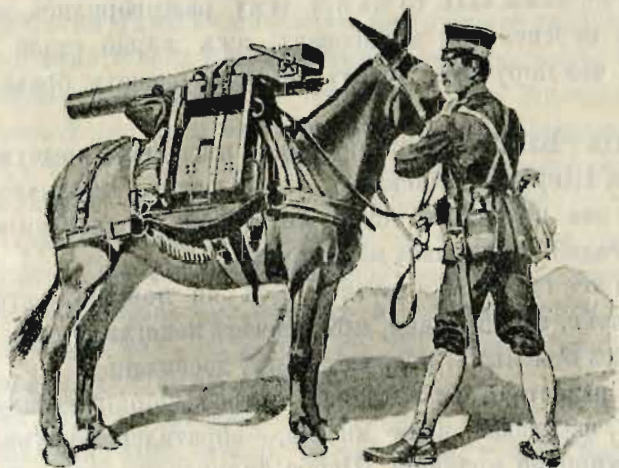
— Ну, философъ, ваше мнѣніе, — обратился Бурунь къ хранившему упорное молчаніе Щербо-Долянскому. — что есть такое бракъ и почему издали онъ кажется такимъ сладкимъ и радостнымъ?

— Отвяжитесь, — сердито буркнулъ Щербо-Долянскій, сами знаете не хуже меня. — И, помолчавъ немного, неожиданно добавилъ: — Ну, и дура же! и женихъ ея дуракъ, и ребятъ наплодятъ такихъ же глупыхъ, какъ сами.

— Такъ-съ!.. сильно сказано! Такъ и запишемъ... Эхъ, Викентій Фадѣевичъ, охота вамъ печень портить и на житейскую комедию смотрѣть какъ на трагедію... Все ерунда. Родится человекъ—ерунда, женится—ерунда сугубая, умираетъ—ерунда въ кубѣ... Если посмотрѣть на дѣло съ философской точки зрѣнія, то раньше и прежде всего, ни на кой чортъ человекъ родиться не слѣдуетъ... Это главное...

С. С. Житчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

„Rivista militare italiana“ 1915 года; декабрь.

Причины и значеніе текущей войны.—Обращеніе къ солдатамъ итальянской арміи.—Наблюденіе стрѣльбы полевой артиллеріи.—Перечень статей.

Имя эрцгерцога Франца-Фердинанда, бывшаго наследника австрійскаго престола, вмѣстѣ съ сопровождающею его мрачною извѣстностью, слезами, кровью и другими ужасами, навсегда сохранится въ исторіи человечества. Это имя сосредоточиваетъ въ себѣ представленіе о цѣлой эпохѣ и цѣлой системѣ. Въ идеальномъ своемъ значеніи имя Франца-Фердинанда обозначаетъ политико-династическую Австрію, и въ немъ заключается непосредственная причина текущей великой войны.

Поступокъ сараевского убійцы не былъ зауряднымъ политическимъ преступленіемъ, и въ лицѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда преступникъ хотѣлъ нанести ударъ не человеку, а знамени, наивысшему и наиболее ясному символу извѣстной системы и режима. Преступникъ не былъ при этомъ одинъ; за нимъ стояли тысячи молодыхъ людей высшаго сословія, а позади этого сословія былъ весь народъ. Сараевскій убійца былъ символомъ этого народа, такъ же точно, какъ эрцгерцогъ былъ символомъ своей системы; и въ этомъ причина, почему правительство, которое этою системою вдохновлялось, признало себя въ правѣ обратитъ кару не на фактическаго убійцу, а на цѣлый народъ.